

Казалось, за одну ночь весь мир узнал об «особых» интересах герцога Глостера. К счастью, в глазах окружающих Август по-прежнему оставался не повзрослевшим ребёнком, милым, словно ангелочек, так что никто не усомнился в искренности его увлечения.

Отец Джо, единственный, кто видел истинную подоплёку, лишь слышал презрительные усмешки своей подруги Джули.

— Развратник везде разврат видит. Ты думаешь, его светлость такой же, как ты? Твоя первая мысль о тайном обществе — найти единомышленника для постели, а его светлость создал его, чтобы дать меньшинству место, где можно собраться и расслабиться. Вот в чём разница между вами, — Джули злилась, вспоминая эту историю. Именно из-за нездоровых идей отца Джо первым правилом тайного общества стал запрет на интриги между членами. Можно попытаться завязать отношения, но нельзя превращать собрания в оргии.

Из-за этого Джули, хоть и питала симпатию к леди Джейн, могла лишь дружить с ней, не позволяя себе флиртовать.

Отец Джо:

— И это тоже моя вина?!

Такое правило в любом случае появилось бы — если не из-за отца Джо, то из-за самой Джули. Будучи двумя выдающимися представителями средневекового гедонизма, они от природы не ведали, что такое сдержанность.

...

Рафаэль вышел из внутреннего дворика, чтобы умыться и переодеться, а Август воспользовался моментом, чтобы снова прилечь и немного вздремнуть. Позже, почти одновременно, они покинули свои комнаты и направились в столовую.

Такая слаженность выработалась за четыре года совместной жизни. Никто её специально не устанавливал — всё сложилось само собой.

В столовой иногда первым появлялся Рафаэль, иногда Августу приходилось подождать минуту-другую, но неизменным оставалось одно: они всегда обнимали друг друга, касались щеками и торжественно произносили: «Доброе утро».

В последнее время Августа начала беспокоить одна вещь — объятия Рафаэля становились всё более формальными, почти что для галочки. Те славные дни, когда он мог усесться на упругие бёдра Рафаэля, канули в Лету, и это откровенно раздражало. Где же обещание быть ангелами друг для друга всю жизнь? Только потому, что я немного подрос, ты изменил своим чувствам!

Рафаэль отлично читал по лицу Августа, но оставался непреклонен, лишь пристально смотрел на него:

— Выпей молоко.

Трудности взросления были разными. Например, дядя внезапно стал страдать андрофобией, а Август разлюбил молоко, но дядя заставлял его пить до последней капли.

— У этого молока противный привкус, — бурчал Август. К тому же, после бекона он уже наелся и не хотел больше ничего пихать в себя.

— Ясно, — даже глазом не повёл Рафаэль, давая понять: даже если молоко будет пахнуть бараниной, пить всё равно придётся. — Иначе сегодняшнее «исламское вино» достанется только мне.

Август пренебрежительно скривился. Если Рафаэля не будет дома, он сам решит, что делать.

— Сегодня у меня выходной, — улыбнулся Рафаэль, с лёгкостью разгадав его мысли.

— !!! — Август вдруг понял, что такое смесь радости и горя.

Он залпом, словно это было зелье, выпил молоко из чашки, затем засеменял прочь от стола, но вскоре вернулся, неся в руках учебник геометрии. Это был его новый предмет.

Образование средневековых детей было стандартным и основывалось на римской системе наук.

Сначала изучали три базовых предмета — грамматику, риторику и логику.

Затем шли четыре высшие науки — арифметику, геометрию, музыку и астрономию.

Август, как аристократ, изучал больше дисциплин, но то были дополнительные занятия. Основные же предметы добавлялись согласно общей программе.

Итак, после долгих лет мучений с произношением и грамматикой латыни, французского и прочих языков, Август встретил своего второго заклятого врага — математику.

Вообще-то с математикой у Августа всё было неплохо: формулы, алгебра — всё давалось легко. Единственной ахиллесовой пятой была геометрия. Но средневековая Европа, как назло, выделила её в отдельный предмет, хотя можно было обойтись одним общим названием «математика».

Оба предмета вёл один преподаватель.

Так что Август жил на разрыве: один час его величали гением, каких не видели сто лет, а в следующий сравнивали его интеллект с амёбой, претерпевающей деление.

Даже преподаватель не мог понять, как можно настолько страдать от избирательной неспособности к учёбе, когда предметы, казалось бы, родственные.

— Научишь меня? — Август раскрыл учебник на коленях у Рафаэля.

— Если я научу, ты поймёшь? — Рафаэль уже пробовал, но результат был хуже, чем у домашнего учителя, хотя он и старался не показывать своего раздражения.

— Нет. Но по крайней мере настроение будет лучше, — честно признался Август.

Преподаватель математики был почтенным пожилым джентльменом, и Август частенько подозревал, что тот копил жизненный опыт лишь для того, чтобы на уроках геометрии с неподражаемым сарказмом высмеивать его так, что хотелось провалиться сквозь землю.

— Ладно, — в конце концов сдался Рафаэль. Он похлопал по стулу напротив себя и велел слуге сходить к преподавателю и отменить сегодняшний урок.

Началось совместное обучение.

Прогресс был... чрезвычайно... медленным...

Как и предсказывал Август, никто не мог заставить его понять геометрию. Он постоянно норовил свернуть с темы. Например:

— А зачем дядя вчера вызывал тебя в замок? Он снова женится?

— Нет, с королевой Екатериной у него всё хорошо, — вздохнул Рафаэль. Насколько он знал, супружеские чувства ещё теплились. — Он просто хочет этой зимой поохотиться на оленей в других графствах. А заранее сообщил, чтобы я мог всё подготовить.

— Что подготовить? — не понял Август.

— Помочь найти место, где с наибольшей вероятностью может появиться «легендарный белый олень», — улыбка Рафаэля стала такой, словно он собирался кого-то прикончить.

«Легендарный белый олень» — тот самый, что часто фигурирует в «Легендах о короле Артуре». В сказаниях он ведёт будущих рыцарей к местам их возвышения. А в преданиях, которым верили короли, лишь мудрый государь или его наследник мог встретить этого белого оленя. На его шее — металлический ошейник с надписью: «Не тронь меня, я принадлежу Цезарю». Он символизировал бессмертие и праведность правления короля.

Почти все короли Европы мечтали повстречать этого белого оленя. А такие могущественные правители, как Карл Великий, английский король Генрих III и даже Наполеон, утверждали, что видели его.

Ранить или поймать его было нельзя — иначе падёшь жертвой проклятия Цезаря.

— ... — Август не верил ни единому слову. Ни букве. Ни даже знаку препинания.

Рафаэль тоже не верил. Но беда была в том, что Ричард II, с годами становившийся всё слабее, верил. Реформация довела его до нервного расстройства: он то считал себя правым, то каялся до рассвета. Ему отчаянно нужно было что-то, что доказало бы, будто Бог не гневается на него.

— Разве наших побед на французских полях сражений недостаточно в качестве доказательства?

Говорили, Чёрный Принц уже почти подошёл к Парижу. Август даже всерьёз размышлял, что ему делать, если вдруг придётся унаследовать французский трон. Ясно одно — Рафаэля он заберёт с собой обязательно!

Услышав эту мысль, Рафаэль не стал смеяться над наивностью Августа, а просто с радостью уступил ему ещё один факультет в Хогвартсе.

— Куда бы вы ни отправились, я тоже поеду, — заявил Август. С тех пор как у него появился Бэмби, охота на оленей ему не слишком нравилась, но это не мешало жажде путешествий.

— Если выучишь эту главу, — Рафаэль ткнул пальцем в учебник геометрии. Его требования стремительно падали.

— Вперёд! — Август внезапно исполнился решимости.